

МАРКСИЗМ И НАШЕ ВРЕМЯ

Издательство «ЦОПЭ»

МАРКСИЗМ И НАШЕ ВРЕМЯ

Издание Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен

1959

ZOPE, München 2, Gaiglstrasse 25, Telefon 55 74 85.
ZOPE, Berlin W 30, Martin-Luther-Strasse 88, Telefon 24 77 80.

Printed in Germany. Georg Butow, München 5, Kohlstrasse 3 b. Tel. 29 51 36.

Эта брошюра предназначена для советского читателя, желающего разобраться в особенностях нашей эпохи. Автор первой статьи, ссылаясь на многочисленные факты современной экономической и социальной жизни, доказывает, что марксизм устарел и не может считаться мировоззрением, отвечающим нынешнему положению вещей. Автор второй статьи обосновывает взгляд, что политическая деятельность вообще не может подчиняться единому мировоззрению и намечает основы современного общественного поведения.

Издательство надеется, что предлагаемые статьи помогут читателю составить свое собственное мнение по этим вопросам.

Издательство Ц О П Э

Марксизм и наше время

Установить значение Маркса можно, лишь беря в совокупности всю его деятельность — как политика и руководителя рабочим движением, социолога, философа, экономиста. Однако, как бы ни было интересным напомнить его высказывания по различным вопросам, все это отступает перед центральной задачей, поставленной им в «Капитале», его главнейшем произведении.

Чему учил и что предсказывал Маркс? Развитие капиталистического производства, — а им, по его убеждению, управляют законы, будто бы «не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения людей», — ведет к тому, что на сцене общественной жизни останутся только два класса: капиталисты и рабочие. Все средние классы и группы между ними — крестьянство, мелкие промышленники, торговцы, ремесленники, — должны, как таковые, исчезнуть, «низвергаясь в ряды пролетариата».

Среди капиталистов наиболее крупные предприниматели вытеснят, уничтожат более слабых, и владение всем хозяйством и выгоды от него, в конце концов, сосредоточатся в руках лишь очень небольшого числа «магнатов капитала».

В этой перспективе каково будет положение остального населения, целиком, без остатка превращенного в пролетариев? В среде пролетариата, пророчествовал Маркс, будет возрастать «масса нищих», «угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации» («Капитал» т. I, изд. 1949 г., стр. 766). По мере развития капитализма, «положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была — высока или низка — его оплата» (там же стр. 651). Класс рабочих, «даже вне непо-

средственного процесса труда, является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент» (там же, стр. 578).

Такова схема Маркса, и он стремится ее тщательно обосновать на протяжении всех 2200 страниц трех томов «Капитала». Из этой схемы он делает конечный вывод: наступит день, когда угнетенная масса пролетариев свергнет власть магнатов капитала, экспроприрует экспроприаторов, превращая частную капиталистическую собственность в собственность общественную. Тогда исчезнет деление общества на классы, прекратится классовая борьба, начнется новая жизнь, «основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума». Произойдет, писал Энгельс, «скачок из царства необходимости в царство свободы».

Обратим внимание на следующее крайне важное обстоятельство. Первый том «Капитала» появился в 1867 году, второй том, уже после смерти Маркса, в 1885, третий том в 1894 году. Два последних тома собраны Энгельсом из рукописей Маркса, написанных главным образом между шестьдесят третьим и шестьдесят седьмым годами, на основании данных и наблюдений, в своем подавляющем большинстве относящихся, как и цифры первого тома, к эпохе до шестидесятого года. И вполне естественно, что, несмотря на исследовательский талант Маркса и его ученость, труд его имеет сейчас крайне устарелый, архаический характер. Ведь нельзя же допустить, — все факты тому противоречат, — что за истекшие 80 лет ничего не изменилось!

Бьющим в глаза признаком архаичности схемы Маркса служит хотя бы его суждение о Соединенных Штатах Америки. Эту величайшую в мире могущественную индустриальную страну, от которой сейчас зависит и безопасность, и положение всей западной Европы, Маркс еще рассматривал, «как колонию Европы» («Капитал», том 1, стр. 457).

Архаичны и другие его суждения, при том основные. Например, правда ли, что развитие производительных сил на базе капитализма принесло рабочему классу только «нищету, угнетение, рабство, вырождение?» В настоящее время подобные вещи выкрикивают только коммунистические пропа-

гандисты в СССР. Внушая советскому населению мысль, что оно благоденствует, они уверяют, будто в капиталистических странах происходит «обнищание» рабочего класса.

Подобную ложь нетрудно опровергнуть. Вдумаемся хотя бы в следующие несколько цифр: в 1835 году (Марксу тогда было 17 лет) средняя продолжительность жизни — надежда прожить — измерялась во Франции только 35 годами. Так было по всей Европе. Жизнь была тяжкая, дети массою умирали вскоре после рождения, вообще люди не жили долго. Что же случилось за период после смерти Маркса?

Наше время полно чудес, и среди них — большое, замечательное, радостное чудо, потихоньку вошедшее в жизнь и многими незамечаемое. Об этом чуде говорят последние статистические данные. В так называемых капиталистических странах, где трудящееся население, по убеждению Маркса, обречено на нищету и вырождение, средняя продолжительность жизни поднялась до 65-70 лет и даже свыше 73 лет (Соединенные Штаты, Швеция, Нидерланды). Значит, за 120 лет она удвоилась. Жизнь отодвинула смерть. Одержала над нею победу. Можно ли себе представить больший подарок человечеству? Было бы это чудо, если бы население пребывало в состоянии нищеты, рабства и вырождения?

Чудесному удлинению жизни, помимо общих условий, крайне способствует социальное законодательство, проникающее и в очень отсталые страны. Возьмите «Ежегодник международного бюро труда». Социальное страхование, как видно из ежегодника, ускоренно развивается в 45 странах и, охватив уже сотни миллионов людей, страхует население на время болезни, материнства, несчастных случаев, безработицы, инвалидности, старости, оказывает помощь семьям для поддержки и учения детей.

Ни одного вида этого социального законодательства Маркс не знал. В год его смерти, в 1883 году, в Германии было введено страхование на время болезни, в 1889 году — от несчастных случаев, в 1889 — от инвалидности и старости. У Маркса нет даже намека на то, что такие, а тем более ныне существующие, формы социальной помощи могут существовать. В его время социальное законодательство было в зародыше, сводясь к запрещению работы детей до 12 лет и сокращению рабочего дня подростков и женщин. Измеряя, сколь

далеко ушло человечество от того времени, стоит напомнить, что только после революции 1848 года во Франции был установлен 12-тичасовой рабочий день, то-есть 84-часовая рабочая неделя, которая ныне превратилась в легальную сорокачасовую.

Концепция Маркса крайне устарела и далека от действительности. Он ошибался, когда предрекал исчезновение крестьянства и поглощение его капиталистическими фермами. Свой прогноз он делал, опираясь на «классический опыт Англии», предназначенной, по его словам, «показать всем странам картину их будущего».

Во время Маркса английское крестьянство исчезало. Встав первой на путь капиталистического развития, Англия смотрела на себя, как на монопольную мировую фабрику, у которой нет и не может быть соперников. Она вела политику, рассчитывая, что на веки вечные будет поставлять всему миру промышленную продукцию, а взамен на выгодных условиях получать сырье и продукты питания. В согласии с этим взглядом, собственное сельское хозяйство ей казалось невыгодным, ненужным, и она допустила его полное падение.

Но эта близорукая политика, в возможность которой самым некритическим образом уверовал Маркс, была историей бита. Индустриализация, захватывая одну страну за другой, подсекла монополию Англии на мировом рынке. Сбывать товары, получая вместо них продукты питания, ей стало много труднее. Во время первой мировой войны отсутствие своего сельского хозяйства, зависимость от пищи, находящейся далеко в чужих руках, ощущались Англией как нож, приближающийся к горлу.

Вторая мировая война и все последующие за ней события еще более обострили положение. Получение продуктов питания на национальной территории стало для Англии вопросом жизни и смерти. Сознав это, английское правительство (и консерваторов, и рабочей партии) бросилось восстанавливать свое сельское хозяйство. До войны Англия производила 30 процентов потребляемых ею пищевых калорий, к 1950 г. ей удалось эту долю поднять до 40 процентов. Желая удержаться на этом уровне, а по возможности и перешагнуть через него, Англия ухаживает за своими крестьянами, сельскими

хозяевами, поддерживает их субсидиями, назначает выгодные для них цены на с. - х. продукцию.

Таковую же политику по этим и другим мотивам (сохранение крестьянства, как фактора социального равновесия) ведут все индустриальные страны, в том числе и Соединенные Штаты. Конечно, всюду в городах сосредоточивается все большая часть населения, и сельское население сокращается. Но сельско-хозяйственная продукция от этого не падает. И ни в одной индустриальной стране крестьянин, самостоятельный земледелец, не исчезает.

Абсолютно ложно заявление Маркса, что «в сфере земледелия крупная промышленность, действуя с величайшей революционностью, уничтожает оплот старого общества — крестьянина — и выдвигает на его место наемного рабочего.» («Капитал», т. I. стр. 508). Если кто, и уже давно, исчезает из сельского хозяйства, так это именно наемные рабочие. В Германии в 1907 г. их было 3.380.000, а в 1950 в обеих ее частях (западной и восточной) — 1.749.000 (вычислено по данным «Statistical Abstrakt» за 1957 г.). Во Франции в 1896 г. в сельском хозяйстве находилось 3.250.000 наемных рабочих, в 1931 г. — 2.140.000, а в 1954 г. только 1.196.000. В Соединенных Штатах в 1910 г. было 6.400.000 с. х. рабочих, в 1950 г. — около 2 миллионов. А крепкий крестьянин-земледелец (по советской терминологии «середняк» и «кулак») заменяет рабочего моторами, всякими усовершенствованными машинами и не исчезает. Он необходимейший, полезнейший спутник в процессе эволюционирующего общества. Жизнь явно не идет «по Марксу».

Предсказания Маркса об исчезновении мелкого торговца — такая же ошибка, как и его прогноз об исчезновении крестьянства. Постоянно говоря об «обмене товаров», «товарном обращении», продаже товаров, Маркс, однако, никогда не изучал конкретные формы торговли. Несколько строчек о торговле во втором томе «Капитала» поражает своей пустотой, странным непониманием значения торговли. Торговую активность он самым простейшим образом относит к «непроизводительным издержкам производства». У него нет мысли, что законы обращения товаров отличны от их производства.

Расширенное индустриальное производство при современной технике имеет явную тенденцию происходить при сокра-

щении числа рабочих, т. е. непосредственных производителей. Производство для своего максимального эффекта требует концентрации труда и технических ресурсов, хотя и тут есть пределы, оставляющие место для ряда особого рода маленьких предприятий. Торговля, наоборот, не может замкнуться в концентрации в немногих магазинах, центрах торговой массы. У нее обратная задача: максимальное рассеивание товарной массы по множеству товаропроводящих каналов. Оно ведет от опта к рознице, к разветвлению последней; только таким образом торговля может осуществить свое общественное назначение — повсеместное подведение товара к непосредственному потребителю и всестороннее удовлетворение потребностей и запросов населения.

Поэтому распространение умножающейся и ставшей более разнообразной товарной массы происходит при увеличивающемся персонале в торговле. В такой переполненной всякими товарами стране, как Соединенные Штаты, это явление ведет к тому, что работающие в оптовой и розничной сети кадры начинают занимать гигантскую часть активного населения. Торговое население в 1955 г. исчислялось в 10.728.000 человек, т. е. в 22 процента всего персонала, работающего в отраслях вне земледелия.

Без этой массы людей нельзя с максимальной полнотой, скоростью и тщательностью обслужить потребности населения. Но, следуя за Марксом, утверждавшим, что население в торговле никакой новой ценности не создает, «умный» советский академик Варга относит торговлю к «паразитическим» занятиям. Прибавим к этому, что в торговле увеличивается не число рабочих, а служащих, что совсем не одно и то же.

В разветвленной розничной торговле всегда есть, вопреки заявлению Маркса, место для маленького торговца. В США необычайно сильны крупные торговые предприятия с их отделениями по всей стране, однако, они не вытеснили маленьких магазинов. Из миллиона пятисот тысяч магазинов, существовавших в США до войны, почти миллион нужно отнести, принимая во внимание американские масштабы, к небольшим и маленьким предприятиям. В Англии в годы до войны число частных торговцев увеличилось на 19 процен-

тов, и это произошло, главным образом, от увеличения числа мелких коммерсантов.

Во Франции в течение 1906-1931 гг. из растущей и концентрирующейся индустрии исчезло много ремесленных и маленьких предприятий, но в торговой сети произошло обратное явление: например, число маленьких предприятий без всякого наемного труда увеличилось на 34 процента. В 1906 году вся торговая сеть Франции состояла из 800.000 торговых «точек» — мест продажи. Расширение производства и его разнообразие вызвало увеличение к 1931 г. числа торговых точек до 923.000. Из этого числа 800.000 мест продажи представлены торговцами-одиночками, маленькими магазинами с одним служащим или без всякого наемного труда. Уничтожьте эти 800.000 точек и вы получите торговую пустыню вроде той, что существует в СССР. Там нет заботы о лучшем, скором, удобном обслуживании потребностей населения. Сельское население должно иной раз ехать десятки километров, чтобы из какого-нибудь «универмага», став в очередь, попробовать получить нужные ему товары.

Нельзя не заметить, что на представлении Маркса о товарной массе лежит печать крайней отсталости. Товарную массу он представляет себе только в виде таких предметов, как уголь, железо, хлеб, сапоги, одежда, тогда как сейчас, не говоря уже об умопомрачающем числе всяких вещей, громадная часть расходов населения направляется на покупку особого рода товаров — у с л у г, в виде электричества, газа, канализации, способов передвижения — метро, автобуса, трамвая, такси, самолета, почты, телеграфа, зрелищ, кино, телевидения, врачебной помощи, обучения и всяких личных услуг. Пользование этим комплексом услуг стало неразрывной, обычной частью современного быта. Но автору «Капитала» подавляющая часть всего этого просто не з н а к о м а.

Творец концепции, отводящей первенствующее значение экономическим отношениям и технике, Маркс много говорит об «орудиях производства», о «машинах», но конкретное представление о них у него недалеко отходит от изобретенной в 18-м веке паровой машины Уатта и прядильной машины Аркрайта. Нельзя не улыбнуться, когда, рассказывая, как голландцы в 1836-37 гг. осушали Герменское озеро с помощью паровых машин, Маркс называет их «циклопически-

ми». Какими жалкими и слабенькими карликами кажутся эти «циклопы» в настоящее время!

Производство электроэнергии Марксу незнакомо, у него нет и тени предвидения грандиозной роли электричества в современной жизни. И откуда ему это было знать, когда только в год его смерти Депрецу удалось перенести электроэнергию на расстояние 15-ти километров. Это казалось тогда величайшим достижением. О нефти в «Капитале» не упоминается ни разу, а на базе ее выросла вся нынешняя могущественная «моторная цивилизация». Можно ли себе представить современную жизнь без автомобиля и авиации!

Предчувствия действительно чудесного развития техники, сказавшегося, например, у романиста Жюль Верна, Маркс — его современник — совсем не обнаружил. За это упрекать его неразумно, но было бы еще более неразумным не видеть, что отсутствие этого предвидения отняло крылья у пророчества Маркса. Из первой половины 19-го века он никуда не вылетел. Посмотрим, к чему это привело.

Современная индустрия, особенно в машиностроении, точной механике, электромеханике, радиотехнике, химии, утилизации атомной и термоядерной энергии, являет картину исключительной сложности. Тут мало общего с хлопчатобумажным производством, которое в сущности было единственной индустрией, хорошо известной Марксу. Современная индустрия ведется при широчайшем и активном участии людей науки, инженеров, техников, всяких специалистов, персонала общих и заводских лабораторий. Это мозг индустрии, толкающий ее вперед, открывающий для нее новые перспективы. Не исключено, что тот или иной рабочий способен сделать большое изобретение, внести свой вклад в индустриальный прогресс, и все-таки не рабочие у станка создают этот прогресс, а обученные профессионалы умственного труда, прошедшие академии, университеты, всяческие технические исследовательские институты и школы. У Маркса об этом ни слова. На протяжении двух тысяч двухсот страниц трех томов «Капитала» ни разу не упоминается инженер.

В индустрии, описываемой Марксом, этот агент производства отсутствует. Нет у него и другого фактора. Индустрия, побуждаемая коммерческими мотивами и требованиями государства, ведет сложную отчетность, планирует свое про-

изводство, тщательно калькулирует себестоимость, изучает и исследует емкость и требования рынка. Для выполнения подобной работы требуется специальный административный, бухгалтерский, контрольный, статистически-учетный, исследовательский персонал. Этот персонал, вместе с инженерно-техническим и персоналом подсобным, обычно заносимый статистикой в одну рубрику под названием «служащие», увеличивается в пропорции, значительно превышающей рост численности рабочих.

Маркс этого явления совсем не знал, а оно сейчас бьет в глаза в передовых индустриальных странах. В Англии в обрабатывающей промышленности за 1935-1948 гг. число рабочих увеличилось на 23 процента, а число служащих возросло на 62 процента. В Швеции указанный процесс представится еще выпуклее, если взять больший промежуток времени, например 1913-1949 гг. В ней за эти годы число рабочих индустрии возросло на 78 процентов, а число служащих на 356 процентов. В США за 1939-1952 гг. рост числа рабочих индустрии — 61 процент, служащих — 174 процента. В 1904 г. в Америке на 10 рабочих приходился один служащий, а в 1952 г. один служащий меньше чем на четырех рабочих (3,8 рабочих).

Современная индустрия, оснащаемая множеством машин, заменяя физическую силу человека утилизацией разных энергоресурсов, умножает свою продукцию не столько при увеличении, как во времена Маркса, числа рабочих — профессий физического труда, сколько при все растущем участии и влиянии веса, значения профессий умственного труда. Не мускулы рабочего, а мозг ученых и инженеров производит гигантскую техническую революцию, несущую глубочайшие преобразования всей социальной жизни.

В развитии американской промышленности лучше, чем в какой-либо иной, можно усмотреть смысл и значение грядущих преобразований. При неостанавливающемся росте техники, автоматике, при развитии электроники, кибернетики, применения роботов физический труд в промышленности все более сводится к минимуму. Чернорабочий будет заменяться рабочим-техником, инженером. Преобладающим фактором будет становиться труд умственный. При высочайшей технике и соответствующей ей организации хозяйства, гораздо

большой, чем прежде, национальный доход может быть получен при очень значительном сокращении численности работающего персонала. Это позволит освободить от работы кадры старых, юных и молодых людей. Все старые (возможно, даже в 45 лет) перейдут на пенсию, а миллионы молодых, получая стипендию, будут учиться, беспредельно расширяя знания, духовную культуру общества.

Это не «сказки», не фантазия. Признаки грядущего уже налицо. Но последнее слово этого процесса — переход к новому обществу — требует политических предпосылок и, при умном, научном планировании народного хозяйства, нового распределения национального дохода.

Всю только что очерченную эволюцию промышленности Маркс абсолютно не предвидел. Его пророчества бескрылые. Организацию труда внутри промышленности он изображал с грубостью, нас ныне шокирующей. Он отражал лишь то, что существовало тогда в его грубое время, не поднимаясь над ним. Он думал, что так будет продолжаться до второго пришествия, до момента, когда «экспроприаторов экспроприруют».

«Капиталистическое управление — писал он — деспотично». «Команда капитана в производстве подобна команде генерала на поле сражения». Чтобы вести настоящий надзор за рабочими, «капиталу нужны промышленные обер-офицеры (управляющие) и унтер-офицеры (мастера)». Больше ничего! Только надзор с целью выжать из рабочего больше труда. О творческой, организующей функции в производстве ученых, инженеров, техников, администраторов, лаборантов, калькуляторов, статистов — ни единого слова, ни атома предвидения!

Это не случайность, а следствие всей марксовской концепции. Сложный квалифицированный труд Маркс рассматривал только как некую измененную пропорцию простого труда. Заявив, что «товар может быть продуктом самого сложного труда, но его ценность делает его равным продукту простого труда», Маркс к этому вопросу уже больше не возвращается. На первое место в экономическом развитии он ставит «простого рабочего», «простую рабочую силу» и, в согласии со своей теорией трудовой ценности, видит в ней единственного творца всех хозяйственных ценностей. Это он —

простой рабочий — производит прибавочный продукт, прибавочную стоимость, ту, что дает возможность «расширенного воспроизводства капитала» и кормит капиталистов, государство и «всяких паразитов».

Мысли, что в создании хозяйственных ценностей и прибавочной ценности участвует все общество, — не только профессии физического, но и умственного труда, — у него нет. В «Капитале», разумеется, упоминается «наука», «Технология», люди науки» — как же без них! — но в его основную схему они не влезают и с ней никак не вяжутся. Он постоянно повторяет, что единственным создателем прибавочной ценности является «переменный капитал» (рабочий) и что постоянный капитал (средства и орудия производства, техника, машина) в создании прибавочной ценности совершенно не участвует. А такой постулат несомненно сводит на нет участие «Уатта и Аркрайта», изобретателей паровой машины и прядильного станка, революционизировавших производство.

Получается оригинальная противоречивая и ложная позиция. Из жалости ли к угнетенному рабочему или из ненависти к эксплуатации вообще, но Маркс — истинный представитель высококвалифицированного умственного труда — повернулся спиной к профессиям умственного труда, сводя тем самым к нулю их роль в истории. Это весьма гармонирует с его взглядом на историю, как на «процесс, которым управляют законы, не находящиеся в зависимости от воли, сознания, намерений человека».

Отсутствие крыльев в пророчествах, прогнозах Маркса обнаруживается и в следующей важной области. Наша эпоха принудительно нагружает на органы государства, на муниципалитеты, департаменты, несчетное количество новых функций и задач, остро поставленных в порядок дня громадным развитием социальных потребностей. Перед ними стоит множество проблем: контроль экономической жизни, жилищный вопрос, борьба со стихийными бедствиями, водоснабжение и канализация, электрофикация, санитарное дело, умножение числа школ, подготовка научных педагогических кадров, организация научных исследований, увеличение числа госпиталей, санаториев, диспансеров, домов отдыха, убежищ для старых людей, развитие радио и телевидения, ис-

куство, спорт, народные развлечения. Совершенно очевидно, что для всестороннего удовлетворения бурно заявляющих своих права социально-культурных потребностей нужны не столько рабочие, о которых только и говорил Маркс, сколько достаточные кадры всяких служащих и разнообразные профессии умственного труда.

Подобные задачи были чужды прежнему государству. Они абсолютно чужды и Марксу. Государство в его глазах только жандарм, в лучшем случае — ночной сторож, а больше всего и прежде всего — машина для увеличения эксплуатации рабочего и укрепления власти капиталистов. До дня великого суда, когда пробьет грозный час для капиталистической собственности, он не видел ничего положительного, что могло бы изменить государство и «буржуазные» органы самоуправления. Возможность их демократизировать, влагая новое содержание в их деятельность — в его концепции отсутствует.

Так как в короткой статье нельзя дать полный анализ воззрений Маркса (это привело бы к критике теоретических построений всех трех томов «Капитала»), вернемся к тому, с чего мы начали, т. е. к марксовым предсказаниям. Маркс предсказывал гибель крестьянского хозяйства. Оно не гибнет. Маркс предсказывал исчезновение мелкого торговца. Он не исчезает. Ремесло и мелкая промышленность сильно сужены, но все-таки не исчезли и в некоторых областях сохраняют свою жизнеспособность и нужность. Маркс предсказывал превращение всего населения в промышленный пролетариат. Наемный труд всюду численно растет, но при этом появляется не тот рабочий промышленности, о котором говорил Маркс, а профессии, о которых он ровно ничего не говорил и расцвета которых никак не предвидел. Это — служащие государства, штатов, департаментов, городов, сельских коммун. Это инженерно-технический, научно-педагогический, врачебный персонал. Это служащие в банках, страховых обществах, учреждениях социального страхования, профсоюзах. Это служащие разнообразных видов торговой сети и транспорта. Это свободные профессии; это служащие на почте, телеграфе, телефоне. Это всякие профессии, обслуживающие зрелища, спорт, комфорт и удобства общества.

Нет возможности кратко перечислить эти новые профессии, так они многочисленны. И характерная черта нашего

времени именно та, что профессия служащих и профессии умственного труда в своем росте на-много обгоняют рост численности рабочего класса не только в индустрии, а во всем национальном хозяйстве. Например, во Франции за 1901-1946 г. группа патронов (предпринимателей, самостоятельных производителей) численно осталась прежней, число рабочих всех категорий увеличилось только на полтора процента, тогда как число служащих возросло на 60 процентов. В результате доля рабочих в общем активном населении страны упала с 48,6 процентов до 46,7 процентов.

В Швеции (беря и здесь все национальное хозяйство, за годы 1940-1950), группа патронов сократилась на 7 процентов, число рабочих абсолютно сократилось, но незначительно, зато число служащих увеличилось на 40 процентов. В итоге рабочие в активном населении стали представлять меньшую величину — не 58,2 процента, а 53,5 процентов (см. «Statistisk årsbok for Sverige», 1951 г., стр. 29). Понятно, что шведская социал-демократия, при всей ее мощности, опираясь, главным образом, на рабочих, больше половины избирателей в парламент увлечь за собою до сих пор не могла, тем более, что не все рабочие за нее голосуют.

В Германии указанный процесс начался уже давно. В ней с 1882 года по 1938 г. число рабочих во всем народном хозяйстве увеличилось на 80 процентов, число служащих — на 400 процентов. В 1882 г. на каждые 10 рабочих приходился один и четыре десятых служащих и чиновников, — в 1933 г. уже почти четыре. В противоположность Франции, где группа различных патронов (фабрикантов, торговцев, крестьян, ремесленников) стабильна, в Германии эта группа с помогающими членами семьи с 1907 г. возросла на 23 процента. Вместе с чиновниками, служащими, прислугой она занимала в 1933 г. 54 процента среди трудоспособного населения. По этой причине число рабочих с 50 процентов снизилось до 46 процентов. В Германии, как и в других странах, часть рабочих, уходя от станка, превращалась в служащих. В стране Маркса происходил процесс, глубочайшим образом отличающийся от того, что предсказывал и ожидал Маркс.

Его предсказание, что в ходе капиталистического развития без остатка исчезнет середина общества и все население превратится в подавляющем своем большинстве в рабочих про-

мпышленности, оказывается особенно ложным в США. Именно там, а не в Англии, как настаивал Маркс, теперь нужно изучать, выражаясь его словами, «историческую тенденцию капиталистического накопления».

В Америке середина общества выросла до огромных размеров. Определить ее статистически (американская статистика далеко не всегда отделяет рабочих от служащих и не дает нужные нам цифры) мы можем лишь приблизительно. Взяв данные последних лет, мы найдем, что в трудоспособном населении страны земледелием занимается 13 процентов. Это сектор по преимуществу физического труда; население, занятое в добывающей, обрабатывающей, строительной индустрии составляет 34 процента, — и тут, конечно, преобладает физический труд, так как большинство в указанных индустриях составляют рабочие. Если из этого сектора извлечь служащих и инженерно-технический персонал (эта группа должна быть отнесена к середине), а вместо них включить рабочих, стоящих вне первого и второго сектора, обнаружится середина общества приблизительно в 50 процентов населения. В противоположность двум первым секторам, «середина» не принимает непосредственного физического участия в материальном производстве, а если и принимает, то в небольшой доле. По данным, которые для 1955 г. сообщает «The American workers Fakt Book», Government Buiting Office, в эту «середину» нужно отнести торговое население, служащих государства и штатов, пассажирский транспорт, сектор всяких услуг, банки, страховые общества, свободные профессии и т. д.

Социальная роль этой группы, конечно, очень важна. Она управляет, охраняет, планирует, изучает, обучает, несет функции связи, развлекает, обслуживает всякие культурные потребности. Эта середина могла появиться только в процессе громадного роста техники, производительности труда в земледелии и индустрии, создавших обильную продукцию. И она не только «следствие» производительности труда, изменившего социальную структуру общества, но и фактор, который способствовал и творчески способствует дальнейшему умножению техники, увеличению производительности труда и массы продукции.

Пятьдесят лет назад эта группа не занимала и 25 процентов трудоспособного населения, а 70 и 80 лет назад она толь-

ко начала появляться. По американскому пути идут и все индустриальные страны, изменяя свою социальную структуру и выделяя в ней середину. Но в ее образовании у них большое отставание от Америки, в тесной зависимости от их отставания в области техники, производительности труда и объема производства.

Таков «ход развития капиталистического общества», такова его «основная тенденция». Концепция Маркса этот процесс изображает в ложном освещении. Она резко противоречит фактам и потому, при всем нашем уважении к Марксу, как ученому, мы отвергаем за нею право называться «научным социализмом». Считать его теорию «научной» может лишь тот, кто до сих пор подавлен авторитетом Маркса, кто не видит ее обветшалое, архаическое, несоответствующее действительности содержание, кто не знает фактов и все еще не произвел сопоставления «марксизма» с этими фактами.

Можно предвидеть возражения, что наша оценка теории Маркса основывается на критике «Капитала», тогда как у Маркса есть другие сочинения, письма, вносящие дополнения, а временами изменения в схему «Капитала». Ответим: если бы Маркс не написал трех томов «Капитала», а только то, что стоит вне этих произведений, он никогда бы не был Марксом, никогда не получил бы мировой известности, а был бы лишь одним из очень многих. Именно «Капитал» был в ряде стран и в течение многих лет «евангелием» рабочих и некоторых слоев интеллигенции. Но уже с 90-х годов прошлого столетия, и не одним Бернштейном, начата критика марксизма, его опустошение и всякие хирургические над ним операции и поправки.

Что после всего этого, а, тем более, после большевистской вакханалии с марксизмом, от него осталось? Лучше всего об этом судить по конгрессу Социалистического Интернационала во Франкфурте в июле 1951 года, представлявшему 40 миллионов избирателей и 10 миллионов членов партий. На конгрессе участвовали делегаты социалистических партий Швеции, Италии, Франции, Англии, Люксембурга, Исландии и других стран. В опубликованном Конгрессом «Манифесте демократического социализма» слышны отголоски, остатки формул старого марксизма (на внесении их настаивала германская социал-демократия). Но основные его практиче-

ские предложения и, главное, общий дух его, как небо от земли отличаются от мировоззрения автора «Капитала».

Вне западной Европы — в России, в подвластной Москве части Восточной Европы, в Китае, Корее, Монголии, Вьетнаме престиж Маркса, вера в его полную непогрешимость провозглашается и утверждается правительственной властью. Марксизм-ленинизм там — опора террористически установленной, обязательной для всех государственной идеологии. Это не красит, не воскрешает Маркса, не опровергает того, что Маркс — это прошлое, далеко прошлое.

Но нужно признать и другое: взамен совершенно обветшавшей доктрины Маркса, Западный мир еще не создал, на базе современных явлений и фактов, нового, цельного, активного творческого мировоззрения.

О новом мировоззрении

1

Современное состояние мира многих людей заставляет сожалеть о том, что нынешняя общественная мысль не может создать нового цельного, активного мировоззрения. Это сожаление должно было бы и вызывать вопрос: почему же сейчас нет такого мировоззрения? Может быть, для современной общественной жизни оно и не обязательно?

Нельзя не учитывать, что «цельное мировоззрение» предполагает необходимость полного подчинения ему. Но мы боремся как раз за свободу взглядов и убеждений, за право каждого думать и говорить, как он хочет, что с подчинением единому мировоззрению несовместимо. Не в этом ли и кроется причина снижения интереса в наше время вообще к идеологии, — к системам идей, составляющих то, что мы привыкли называть «цельным мировоззрением»?

Казалось бы, мысль о снижении интереса к идеологии опровергается таким явным фактом, как идущая в мире борьба, разделившая мир на две части: на свободные демократические страны и на страны так называемого «социалистического лагеря». Но нельзя не видеть, что внимание людей в этой борьбе приковано в первую очередь не к идеям свободы и коммунистической несвободы, а к самим фактам борьбы, к событиям и явлениям, составляющим ее содержание.

Протесты вызывают не идеи коммунизма сами по себе, а прежде всего коммунистический режим, т. е. определенные формы правления и поведение возглавления «социалистического лагеря». Люди протестуют против насилия, против преступлений коммунизма, против стремления его руководства навязать всем свою власть, подчинить все народы дик-

татуре коммунизма. И хотя эти формы и поведение так или иначе связаны с коммунистической идеологией, сколько-нибудь большого интереса к ней в мире нет, — и есть, напротив, повышенный интерес к коммунистической практике.

Если бы руководители коммунизма могли как-то освободиться от политики насилия и не на словах, а на деле перешли бы к мирному сотрудничеству с другими странами, несомненно, не было бы никаких препятствий к ликвидации нынешней борьбы между двумя лагерями и к мирному сосуществованию между ними. Поэтому можно говорить, что борьба происходит не между двумя мировоззрениями, а только между одной политической практикой и другой. И людей интересуют не идеи, лежащие в основе коммунистического мировоззрения, а прежде всего практика его последователей.

Население свободного мира вообще не объединяет какое-либо единое мировоззрение. Коммунистические теории могут говорить, что свободный мир подчиняется «буржуазному идеалистическому мировоззрению», но это совсем не так. В свободном мире есть, например, многочисленные социалдемократические партии, основывающиеся на марксизме. Коммунисты могут называть их «лакеями буржуазии» или «социал-предателями», — это не меняет того факта, что они основываются на материалистическом понимании мира, а не на идеалистическом. И отличает их от коммунистов не разница мировоззрений, а в первую очередь опять-таки конкретная политическая практика, политическое поведение.

В свободном мире уживаются самые разнообразные убеждения и верования, несводимые к единому мировоззрению. Их, понятно, объединяет некоторая общность взглядов, иначе никакого общегития не получилось бы. Но эту общность не назовешь «единым мировоззрением»: под ним мы привыкли понимать универсальную систему идей, к тому же «научно-обоснованных», охватывающих все явления жизни. А общность взглядов, о которой только что говорилось — только нормы поведения, обеспечивающие возможность существования именно разных убеждений.

Один из таких взглядов: свободное развитие жизни представляет собой более высокую ценность, чем развитие в условиях отсутствия свободы. За общностью этого взгляда опять начинаются различия, в частности: о границах свободы, о путях обеспечения свободного развития и т. д. Но эти раз-

личия не устраняют главного: признания свободы более высшей ценностью, чем несвобода.

Другой взгляд: признание ценности и свободы личности. Личность обладает правами, которых общество не может ее лишать. Она подчиняется общественным установлениям, но общество не имеет права применять к личности какое-либо насилие, если только человек не совершил преступлений, безусловно доказанных в открытом суде, где подсудимому предоставляются все возможности для своей защиты. Отсюда — в свободном мире люди пользуются большой свободой и охраной их прав от любого вида насилия и несправедливости.

Коммунисты, основывающиеся на материалистическом мировоззрении, из него выводящие свои «железные законы истории» и притязания на руководство развитием общества, на словах тоже не отрицают таких «идеалистических представлений», как свобода и ценность личности. Они лишь говорят, что их строй лучше, полнее обеспечивает свободное развитие личности и общества. Поэтому они охотно оперируют такими словами, как «подлинная», «народная» демократия, как «подлинная свобода» и т. д. Эта фразеология только подчеркивает, что руководители коммунизма в своей практике не могут игнорировать общераспространенных убеждений и стремлений и стараются использовать их, чтобы подчинять личность и общество своему диктату.

Материалистическое мировоззрение не мешает коммунистам сплошь и рядом прибегать к чисто идеалистическим представлениям, только для того, чтобы добиваться политического успеха. Следовательно, главным у коммунистов является не идеология, а практика, обеспечивающая им возможность властвования. Против этой практики в первую очередь и протестуют люди, почти не обращая внимания на коммунистическую идеологию, которой коммунисты изменяют чуть не каждый день, потеряв в нее веру и признавая ее только формально.

2

Снижение интереса к идеологии можно видеть в самых разнообразных случаях. В повседневной жизни употребление слова «идея» принимает даже юмористический вид. На-

пример, еще лет 50-60 назад о человеке, разделявшем те или иные идеи, с уважением говорили: «Он — идейный человек». Сейчас на Западе тоже часто говорят: «У этого человека есть идеи!» Говорится это тоже с уважением, — а на проверку оказывается, что у нынешнего «идейного человека» есть «идея», скажем, как-то усовершенствовать подтяжки к брюкам. Или он придумал эффектный способ подачи материала в газете, может быть, он успешно экспериментирует в технике и т. д. О таких людях с изобретательской жилкой, или обладающих особой ловкостью, говорят, что они «имеют идеи в голове».

Одинаково и в «лагере социализма». Предложение что-то усовершенствовать в каком-нибудь станке или машине, в технологическом процессе, в выращивании кукурузы, в том, чтобы придумать новый лозунг или половчее подать очередную речь «вождя», — обо всех этих выдумщиках говорят, что у них «есть идеи в голове». Ясно, что речь здесь идет не об идейном творчестве, но такое словупотребление уже привилось и никого не смущает.

Сталина считали большим теоретиком марксизма. Теперь и Хрущева пытаются занести в разряд «творческих идейных работников». А Мао Цзе-дун — прямо-таки выдающийся «теоретик марксизма», хотя его явно приспособленческие откровения вроде таких, как о «противоречиях внутри народа» и «между народом и его врагами» или о «демократической диктатуре народа» представляют собой сплошную чушь с точки зрения и марксизма и простого здравого смысла. Тем не менее, он — «идеолог марксизма». Во всех этих случаях мы имеем дело с изменением значения слов: привычная в прошлом терминология потеряла смысл, который когда-то вкладывался в нее.

В странах «социалистического лагеря» такое «идейное творчество» служит прежде всего поддержанию и укреплению коммунистического режима. Вопреки утверждениям, оно ни в коей мере не углубляет и не обогащает господствующую там идеологию «марксизма-ленинизма». На деле — это только хождение вокруг нескольких догм и приспособление их к потребностям тех или иных коммунистических руководителей, в данное время находящихся у власти. Ленин толковал отдельные положения марксизма по-своему, Сталин тоже по-своему, Маленков на свой лад, и Хрущев пы-

тается толковать их как-то еще иначе. Поэтому основы коммунистического мировоззрения — только подсобное средство в руках лиц, обладающих властью, и использующих это средство в своих собственных целях. Эти лица на практике руководствуются не коммунистическими идеями, а своими желаниями и стремлениями, — они и подгоняют под эти стремления догмы своего официального мировоззрения.

На Западе дело сложнее. В свободном мире снижение значения когда-то исполненной высокого смысла терминологии приобрело другой характер. На Западе нынешняя «идейность» подчинена задаче обслуживания людей: «идея» усовершенствования подтяжек или детали автомобиля, более эффективной подачи материала в газете и тысячи других таких же «идей» имеют своей целью улучшить условия жизни, дать людям больше удобств, больше возможностей для удовлетворения разнообразных желаний и потребностей. Поэтому «идейность» на Западе, спустившись в нашем веке с высокого пьедестала на землю, не потеряла своего основного значения: растворившись в тысяче жизненных мелочей, она попрежнему служит улучшению, совершенствованию жизни.

Примерами обыденного словоупотребления, звучащего подчас юмористически, дело в свободном мире, конечно, не ограничивается. В области государственного устройства, в международных отношениях, в социальном законодательстве, в помощи отсталым странам и в десятках других первостепенных областей современной деятельности — сколько в них предлагается сейчас «идей»! Они плодотворно меняют жизнь общества, но собственно к идеологическому творчеству вся эта деятельность не имеет отношения. Это — только практическое претворение в жизнь идей, оставшихся нам в наследство от прошлого, претворение представлений, которые стали неотъемлемой частью нашего сознания.

В свободном мире это повседневное практическое претворение в жизнь современных взглядов имеет целью улучшение условий нашего существования, личного и общественно-го. В «лагере социализма» оно подчинено задаче укрепления и расширения коммунистического властвования, в соответствии со стремлениями тех или иных коммунистических руководителей.

Было бы совершенно неверно говорить, что в мире в наше время нет действительного идеологического творчества, т. е. нет попыток нового осмысления нашей жизни, определения новых мировоззренческих основ, и что к этим попыткам нет никакого интереса. Это не так. Но эта деятельность остается на вершинах современной мысли и интерес к ней проявляется главным образом в среде специалистов, в более или менее ограниченном кругу интеллигенции. И что особенно характерно: эта деятельность в наше время проникнута большой осторожностью в выводах и воздерживается объявлять свои выводы последним, всеобъемлющим, универсальным словом.

В прошлом веке были творцы идеологических систем, не затруднявшиеся провозглашать себя пророками, сказавшими самое новое и последнее слово. Эти «последние слова» находили множество верящих в них людей — так рождались широкие социальные и политические движения. Сейчас и сами творцы новых идей воздерживаются от объявления себя пророками, и не находится много людей, которые хотели бы видеть в них новых пророков.

Эту характерную черту современного идейного творчества и отношения к нему часто принимают за доказательство господства в наше время безверия, нерешительности и трусости мысли. Несомненно, и эти явления имеют место в нашей жизни. Вместе с тем эта черта связана не с трусостью мысли, а с ее глубиной и честностью.

Развитие общественной жизни в предыдущие века проходило под знаком веры во всемогущество науки, в торжество разума, в автоматическую победу идей свободы, равенства и братства. Многие открытия в естествознании и быстрое развитие техники, что увеличивало наши производительные силы, в соединении с этой верой давали тогда возможность создавать идеологические системы, подчинение которым якобы должно было привести к совершенным формам общественной жизни.

Так родился марксизм, сочетавший ряд научных данных того времени с верой в неизбежность («закономерность») определенного развития общественной жизни. Это будто бы научно-обоснованное развитие должно было, по мысли Маркса и Энгельса, привести человечество к чудесному «прыж-

ку из царства необходимости в царство свободы», к тем «сияющим вершинам коммунизма», о которых так часто говорят коммунисты.

Сейчас в эти «вершины» никто не верит, даже и коммунисты. Поэтому можно говорить, что человечество стало трезвее: оно отказывается обольщаться скороспелыми выводами, одними или другими теориями о достижении совершенного общественного устройства. Оно не теряет веры в возможность лучшего устройства, но не верит в возможность идеального состояния общества и нахождения к этому состоянию раз навсегда данных путей и средств.

Эту трезвость внушает прежде всего тяжелый опыт первой половины нынешнего века. В прошлом веке, например, люди верили, что распространение образования автоматически ведет к улучшению нравов и поэтому к совершенствованию человека и общества. Марксисты верили, что рост пролетариата во всем мире ведет к его солидарности и поэтому к прекращению войн, ибо «у пролетария нет отечества» и защищать такое «буржуазное» понятие, как «родина», он не будет. Эта вера в закономерное развитие, в безусловный прогресс, была настолько велика, что возникновение первой мировой войны многим казалось диким, ненормальным явлением.

Однако, эта ненормальность на десятилетия стала нормой. Война привела к революциям, к возникновению фашизма и национал-социализма, к усилению милитаризма — и чудовищные преступления, совершенные в эти десятилетия коммунизмом, фашизмом, нацизмом, не предотвратили ни просвещение (вспомним, что нацизм возник в Германии, в стране стопроцентной грамотности), ни «солидарность пролетариата», ни многие другие представления, в которые твердо верили еще в начале нашего века. Эта вера оказалась возведенной на песке.

С другой стороны, развитие науки и техники в эти же десятилетия ушло далеко вперед по сравнению с прошлым веком. Но чем дальше продвигалась наука, тем яснее становилось, что она не всеильна и что ее открытия бесконечны и не могут быть последним словом.

Современная атомная физика, проникающая в тайны строения материи и этим опровергающая прежние материалистические представления, может проследить и описать сотни слу-

чаев поведения атомных частиц. Но она признает, что эти частицы могут вести себя и как-то еще иначе, так что проследить все случаи их поведения и вывести отсюда какие-то закономерности, ученые не в состоянии. Может быть, когда-нибудь будут прослежены и систематизированы тысячи случаев поведения атомных частиц, но останутся неизвестными еще другие тысячи: поле для научных исследований остается бесконечным.

В прошлом веке социологи, считая те или иные научные данные окончательными и используя их для своих идеологических систем, объявляли эти системы научно-обоснованными и потому безусловно верными. Современное состояние науки не допускает такой возможности. Это состояние говорит нам: может быть множество методов исследования и множество открытий, которые будут вновь и вновь влиять на наши представления о материи и ее проявлениях.

Наука — вечно живая, постоянно меняющаяся и разнообразная творческая деятельность. Она устанавливает очень важные, но всегда частные, временные закономерности, которые нельзя объявлять последним научным словом, обязательным и для настоящего, и для будущего. И если раньше многие открытия в естествознании мы легко переносили на область общественных отношений, то теперь это стало невозможным: нельзя тем или иным частным научным данным подчинять всю общественную деятельность, всю жизнь людей.

Поэтому не трусость или нерешительность заставляют воздерживаться от широковещательных окончательных выводов: это заставляет делать глубину и честность мысли. Она не позволяет сводить в одно целое бесконечное разнообразие постоянно изменяющихся, находящихся в непрерывном движении данных, собранных фактов, — сводить в систему, которая могла бы стать основой для нового цельного мировоззрения.

Тяжелый опыт, пережитый народами в нашу «эпоху войн и революций», с одной стороны, и новейшие достижения науки с другой, естественно внушают недоверие к попыткам

переустройства общественной жизни по умозрительным теориям и схемам. В каждой такой схеме может быть доля правды, отвечающая положению вещей или требованиям времени, вытекающим из изменения условий жизни. Но в целом универсальные теории оказываются несостоятельными: они не могут охватить всего разнообразия жизни и успевать за их развитием. Поэтому они не выдерживают проверки ни опытом, ни новыми научными открытиями.

Так получилось и с марксизмом. Он оказал большое влияние на развитие социалистических теорий и экономической науки, на социальные преобразования и т. д. Но попытка перестроить на его основе жизнь целых народов привела к катастрофическим последствиям. Она заставила Ленина, затем Сталина ввести жесточайшую диктатуру и основанную на ней крепостническую государственность, в которую насильно втискивается жизнь многомиллионного народа. Будто бы научно обоснованная и действующая автоматически («закономерно») схема марксизма для воплощения ее потребовала еще неслыханного в истории насилия.

Говорят, что Ленин «творчески обогатил марксизм». В действительности он лишь старался подогнать жизнь России под марксистскую схему, так, как он понимал ее. Сталин для дальнейшего воплощения этой схемы, — которую он понимал в соответствии со своим духовным уровнем и темпераментом, — продолжал насилие и окончательно превратил партию и государственные органы в чудовищный аппарат подавления естественных стремлений народа жить не по схеме, а по своему желанию и своим представлениям. Вслед за Лениным Сталин создавал не столько «социалистическое общество», сколько систему тотального властвования, с помощью которой он мог осуществлять свои собственные стремления, вытекающие из его собственного, сталинского, понимания марксизма. Это понимание было лишь формальным основанием системы, смысл которой в конце концов состоял в самом властвовании, в обеспечении диктатуры Сталина.

Наследники Сталина, — Молотов, Маленков, Булганин, Хрущев, Микоян и т. д. — это только эпигоны Сталина. Стараюсь как-то согласовать созданную Сталиным систему с требованиями текущей жизни, они в то же время всеми силами стремятся сохранить эту систему властвования, чтобы не лишиться своего положения.

Их стремление может идти по нескольким путям, что вызывает разногласия и борьбу между наследниками, — верх в ней пока одержал Хрущев. Но он не внес в существующую систему каких-либо принципиальных изменений. И если раньше жизнь нашей страны зависела от воли Сталина и его подручных в Политбюро, то теперь она зависит от Хрущева и нескольких членов Президиума ЦК КПСС, которых поддерживают еще несколько десятков «хрущевских обкомовцев». Это — венец творения марксистской схемы в ее коммунистическом виде.

Разница, только количественная, а не качественная, по сравнению со сталинским временем заключается разве лишь в том, что Хрущев чувствует себя менее уверенно, чем чувствовал себя Сталин, и поэтому нуждается в поддержке «обкомовцев». На смену Хрущеву может придти какой-нибудь еще «вождь», — он тоже будет клясться в верности марксизму-ленинизму, а на деле стараться во что бы то ни стало не выпускать власти из своих рук.

Иногда говорят, что если бы Маркс или Ленин увидели, во что превратилось теперь дело их ума, они прокляли бы своих последователей. Их проклятия ничего не изменили бы и не доказали: попытка втиснуть жизнь в определенную схему иначе и не может кончиться. Она неминуемо должна привести — или к отказу от схемы, или к установлению системы, с помощью которой «руководство» пользуется диктаторской властью. «Руководство» оправдывает свою власть тем, что оно «строит коммунизм» по «научной теории марксизма-ленинизма», — в действительности никакой «научности» тут нет, а есть одно: голое властвование, власть ради власти.

Каждое цельное мировоззрение всегда таит в себе опасность тоталитаризма: стремясь охватить все стороны жизни, оно старается подчинить себе все жизненное многообразие. Последователи такого мировоззрения, объявляющие себя пророками и вождями нового учения, обладающими полнотой истины, стремятся стать вождями, диктаторами и стараются ликвидировать все несогласное с ними, все мешающее им. «Новое учение» может выветриваться, оно устаревает, в него перестают верить, — «вожди» продолжают оберегать свою власть, пока их не сметут. Так было с фашизмом, с национал-социализмом, — так обстоит дело и с коммунизмом.

Опыт этих движений показал: в каждой теории может быть зерно истины, но это зерно еще не вся истина. И нельзя допускать, чтобы частичная истина подминала под себя и порабощала бесконечно разнообразную, постоянно меняющуюся и развивающуюся жизнь.

5

Это соображение и определяет политическую и общественную деятельность в странах свободного мира. Отметим, например, такую интересную черту: многие политические партии свободных стран не имеют сколько-нибудь четко очерченных программ, а некоторые и вообще не имеют их. К ним относятся ведущие партии Соединенных Штатов, республиканская и демократическая. По своим воззрениям они мало чем отличаются одна от другой и многие попросту не понимают, в чем их различие.

Различие обнаруживается обычно только во время выборов: в предвыборной кампании обе партии выступают с ясно выраженными программами. Но это — временные программы, отражающие нужды текущей жизни, как их понимают одна и другая партии. К следующим выборам требования жизни могут измениться — изменятся и программы партий.

Английская лейбористская, рабочая партия тоже не имеет программы. И ее руководители и члены партии не испытывают нужды в постоянной программе. Они руководствуются тем, что считают своей главной задачей: защитой интересов трудящихся, желанием организовать жизнь государства так, чтобы оно не могло нарушать эти интересы. На выборах рабочая партия стремится получить большинство голосов и этим путем власть у власти, — однако, получив власть, она не меняет коренным образом жизни государства, не совершает переворота. Ее цель в этом случае — поддерживать жизнь страны, так, чтобы были удовлетворены интересы всего населения, в соответствии со взглядами партии. А эти взгляды определяются не только представлениями партии, но и требованиями текущей общественной и государственной жизни.

На следующих выборах власть могут получить консерваторы, — и им придется считаться не только со стремлениями своей партии, но и с требованиями всего населения, с потребностями государственной и общественной жизни, вызываемыми данным временем.

Можно было бы придти к выводу, что при таком положении партии вообще не нужны: не все ли равно, кто будет стараться лучше удовлетворить эти требования? Такой вывод был бы слишком поспешным. Ибо партия, стоящая у власти, старалась бы закрепить власть за собой на все время, — это означало бы уже захват власти со всеми вытекающими из этого последствиями. Одно из последствий — руководство партии, захватившее власть, в конце концов стремилось бы главным образом к обеспечению своей власти, а не к обеспечению интересов страны и ее населения. Так произошло у нас после захвата власти коммунистами в 1917 году.

По этому поводу хорошо сказал один английский деятель: «Власть развращает, — абсолютная власть развращает абсолютно».

Партия или партии, не получившие на выборах большинства голосов и поэтому не обладающие властью, становятся оппозиционными по отношению к правительству. Это их главная функция, когда они не находятся у власти — и эта функция имеет важнейшее значение: критикуя правительство, оппозиция не допускает его принимать решения, противоречащие интересам населения.

Оппозиция заставляет правительство вести открытую, гласную политику, о которой знают все; она лишает правительство возможности заниматься какими-либо тайными, скрытыми от глаз населения махинациями, — этим достигается то, что правительство не может превышать своих прав. Поэтому правительству приходится тщательно обдумывать каждое свое решение и в каждом своем шаге отчитываться перед парламентом, то-есть практически перед всем населением.

Оппозиция представляет меньшинство, не получившее на выборах большинства голосов. Но меньшинство при демократическом строе не ущемляется в своих правах: не обладая властью, оно имеет полное право на выражение своего мнения, на внесение предложений, на критику действий правительства, на оказание своего влияния. Этим достигается пол-

нота выражения воли населения и правительство вынуждено проводить политику, учитывающую интересы всего населения, как большинства, так и меньшинства.

В следующий период к власти может придти партия, находящаяся в данное время в оппозиции, — тогда оппозиция перейдет к партии, стоящей сейчас у власти. Роли переменятся, но главное будет соблюдено: правительство должно вести открытую политику, учитывающую интересы всего населения.

Примером такой практики может служить Западная Германия, где у власти уже десять лет остается Христианско-Демократический Союз во главе с Аденауэром. Социал-демократы, — вторая большая политическая партия Западной Германии, — давно стремятся получить власть в свои руки, но они на выборах получают только около трети голосов и остаются в оппозиции. Они жестоко критикуют политику Аденауэра, но на выборах партия Аденауэра неизменно получает значительно больше голосов, чем социал-демократы.

Коммунисты, конечно, говорят, что партия Аденауэра представляет «монополистов», крупный капитал, но в Западной Германии куда меньше капиталистов, чем избирателей, отдающих свои голоса этой партии. За партию Аденауэра голосуют предприниматели, ремесленники, многие рабочие, крестьяне, служащие — все, кто считает, что эта партия проводит политику, отвечающую интересам именно большинства населения. Поэтому Христианско-Демократический Союз и пользуется доверием народа.

При таком положении дел главным оказывается не мировоззрение той или иной партии, — вопросы мировоззрения, программы и взгляды партии отодвигаются на второй план, — а то, что можно было бы назвать здравым смыслом, учитывающим интересы и потребности населения и государства в данных конкретных условиях. Не программы, а здравый смысл, — возможно, так следовало бы определить практическую деятельность большинства политических партий свободных демократических стран.

6

В основе того, что выше названо соображениями здравого смысла, лежит взгляд, что мы должны стремиться к дости-

жению наиболее лучших, эффективных и справедливых общественных отношений, — в каждой стране, во всем мире. Этот взгляд складывался постепенно, в последние столетия, он проверялся в революциях и войнах, пока не стал всеобщим, общепризнанным.

Несомненно, в каждом народе есть не мало людей с циническим складом ума, — среди них, между прочим, большинство будет принадлежать именно коммунистам, — которые могут издеваться над этим взглядом. Однако, и эти циники, если им приходится выступать на общественной арене, стараются спрятать свой цинизм и заявляют, что высшая ценность для них — достижение лучших, мирных и т. д. отношений.

Необходимость достижения наиболее лучших общественных отношений — в сущности основной закон для политических деятелей, партий, организаций. Он продиктован многими причинами: усложнением жизни, ее все большим разнообразием, увеличением населения земли, более тесной сейчас связью между народами, распространением демократических убеждений и т. д. Все это привело к тому, что либо мы будем стараться наиболее лучше и справедливо устроить свою общественную жизнь, либо наступит всеобщая анархия.

Никто не может игнорировать этого общепризнанного взгляда. Какой-нибудь предприниматель может считать, что он не обязан заботиться о своих рабочих и что его дело — только набить как можно больше свой карман. Но ему приходится считаться с социальным законодательством, с требованиями профсоюзов, с общественным мнением и ему поневоле приходится сокращать свои аппетиты. Больше того: чтобы сделать свое предприятие более доходным, ему надо стараться, чтобы его рабочие были обеспечены как можно лучше, так как только при этом условии они будут работать добросовестно, т. е. наиболее производительно. Поэтому взгляд, что только лучшие общественные отношения, забота каждого о всех и всех о каждом, могут приносить больше плодов, оказывается наиболее приемлемым и для предпринимателя.

Стремление к справедливым общественным отношениям еще не так давно считалось идеалом только социалистической мысли. Представители других воззрений, подразумева-

лось, защищают свои сословные или классовые интересы. Теперь этот взгляд уже не отвечает действительному положению вещей.

Социалистическое движение (под ним меньше всего надо понимать движение коммунистическое) оказало большое влияние на общественную практику и мысль. Бывший глава консервативной партии Англии и ее премьер-министр Черчилль сказал однажды: «Мы все теперь социалисты», — он подразумевал, что мы все не можем теперь отказаться от ряда убеждений, которые прежде считались только социалистическими.

Эти разделяемые всеми убеждения стали господствующими и ни одна партия, ни один политический деятель не могут не считаться с ними. Поэтому никто, как бы он ни руководствовался своими эгоистическими стремлениями, не может не согласовывать их с главным для нашего времени законом общественного поведения: с обязанностью стремиться к достижению лучших общественных отношений. И не в каком-то неопределенном будущем, а уже теперь, в самом обыденном настоящем. Если же та или иная партия тот или иной деятель не будут к этому стремиться, они могут считать свою деятельность оконченной: они подвергнутся самой суровой критике и их никто не будет поддерживать.

Это и объясняет, почему коммунистическое руководство, на деле считающееся только со своими собственными интересами, на словах всегда заявляет, что его главная забота — обеспечение интересов народа, желание достичь идеального общественного устройства: руководители коммунизма тоже не могут игнорировать общих настроений и должны хотя бы на словах подчиниться им. Однако, боясь, как бы эта словесная демонстрация своего демократизма не оказалась опасной для них, они тут же парируют ее, заявляя: обеспечение интересов народа — но во имя строительства коммунизма, т. е. во имя их официального учения, которое обязательным для всего народа не может быть и которое только помогает коммунистическому руководству обеспечивать свое властвование.

7

В современный закон общественного поведения, — необходимость достижения наилучших общественных отноше-

ний, — укладываются все явления нашей нынешней жизни. В ней остается борьба за существование, т. е. борьба миллионов отдельных интересов; есть в ней и борьба предпринимателей и рабочих, т. е. элементы классовой борьбы и т. д. Но ни один из этих элементов не является основным и решающим: все они лишь частные явления жизни. И все они имеют себе какой-то противовес, разрешение, устанавливающее равновесие в обществе. Так, борьба за существование уравновешивается взаимопомощью, классовая борьба — общественным сотрудничеством и т. д. И вся сложная жизнь, со всеми ее противоречиями, в каждом случае находит диалектическое разрешение этих противоречий.

В связи с этим стоит напомнить, что основа коммунистического учения, диалектический материализм, не знает разрешения противоречий: ленинская теория «снятия противоречий» отнюдь не означает их разрешения. «Снятие противоречий» — это по существу устранение противоречий, их ликвидация. Так коммунисты и действуют на практике: они не разрешают противоречия, а стараются ликвидировать силы или стороны, по мнению коммунистов, рождающие противоречия. В результате получается не разрешение противоречий в обществе, а только насилие над жизнью, требующее в дальнейшем нового насилия.

Процесс этот теоретически может быть бесконечным: насилие порождает необходимость продолжения насилия, поскольку противоречия не разрешены, а только подавлены, — и противоречия не «снимаются», а оказываются, как говорят о болезнях, только загнанными внутрь и отравляющими живой организм. Поэтому коммунизм не может создавать новых органических качеств, в которых сохранились бы здоровые начала качеств старых, нашедших, благодаря разрешению противоречий, новые, отвечающие требованиям времени, формы: коммунизм создает, путем насилия, искусственные и потому нежизненные формы. В этих искусственных формах подавленные, загнанные внутрь здоровые силы и качества не могут развиваться нормально — и созданное коммунизмом неизменно носит нездоровый, уродливый вид, что мы и видим в нашей стране на каждом шагу.

В свободном обществе стараются находить и находят разрешение противоречиям. В нем не стремятся ликвидировать их с помощью ампутаций, подавления, расправ, террора, т. е.

путем насилия: свободное общество старается разрешать противоречия безболезненно, чтобы жизнь не обесценивалась и не теряла богатства своего разнообразия. Такое решение оказывается наиболее плодотворным: мы видим, что в свободном мире могут успешно преодолевать трудности и улучшать жизнь людей.

В свободном мире, конечно, далеко не все гладко и трудностей возникает не мало. Это естественно: каждое время выдвигает новые задачи, создает новые трудности, которые приходится решать каждому поколению. Это ведь только коммунисты могут соблазнять людей: поверьте нам, поддержите нас, — и мы когда-то там в неопределенном будущем приведем вас к идеальному состоянию, при котором не будет никаких трудностей и каждый будет «получать по потребностям». Для этого человека пришлось бы превратить во что-то вроде машины или животного, отнять у него желание и способность жить по своей воле.

В свободных странах, в передовых, развитых, с которыми мы только и можем сравнивать положение в нашей стране, нет трудностей, которые не могли бы преодолеваться нормальными путями. На Западе, например, нет ни такой бедности, как у нас, нет ни террора, ни несправедливости, которые существуют у нас уже сорок лет. На Западе есть бедные и богатые, но и бедные живут там лучше, чем у нас «зажиточные колхозники» или «передовики труда». И на Западе все пользуются одинаковыми правами: притеснений и издевательств над человеком не может быть. А у нас даже специалисты, живущие в хороших материальных условиях, не имеют и минимума тех прав, которыми на Западе обладает каждый рабочий.

Это — наиболее наглядная разница положения в двух лагерях. В одном из них царит взгляд, что надо стремиться к лучшим общественным условиям; в другом — что только «мудрое руководство» знает, как надо добиваться таких условий.

Свою практику и свой режим это «мудрое руководство» старается оправдать грандиозными целями. Цели у коммунистов, на первый взгляд, действительно огромные, глобальные, охватывающие всю жизнь и весь мир. «Мировая революция» — по нынешней терминологии «победа социализма во всем мире», «переделка человека», создание идеального

общественного строя, т. е. достижение рая на земле, — цели большие. Но жизнь показывает, что цели эти вполне утопичны, недостижимы и попросту вздорны.

Вожди коммунизма часто выдвигают такие цели только для нашей страны. Так, был объявлен план «преобразования природы», — на его осуществление затратили массу сил и средств, а пользы он почти не принес. Еще Ленин объявил план электрофикации страны, — а до сих пор у нас тысячи деревень и поселков еще не освещены. На Западе таких планов не объявлялось, между тем там трудно найти уголок, где не было бы электричества. Ясно, почему: на Западе стремятся улучшить жизнь, а не властвовать с помощью дутых широковещательных планов.

Коммунистическая задача «переделки человека» преступна. Человек свободное существо, а не животное, которое можно дрессировать. Он обладает разумом, волей и попытка выдрессировать его по представлениям вождей коммунизма — это только образец высшего глумления и издевательства над людьми.

Задача «переделки мира» по коммунистическим представлениям — это попытка насилия уже над всем миром, над всеми народами. Решение этой задачи никому не по силам: никто, ни одна страна и ни одна группа людей, как бы они ни изощрялись, никогда не установят своей власти над всем миром. Решение этой задачи — только бессмысленная, преступная, бесчеловечная растрата народных сил.

Выдвигая такие задачи, вожди коммунизма создают для народов условия постоянного напряжения и сверхнапряжения. Но одновременно они как-то и влияют на сознание: задачи действительно грандиозные, а все грандиозное, хотя бы и нелепое, на многих производит большое впечатление. Это впечатление и помогает коммунистическому руководству властвовать над нашим народом.

Поэтому надо всегда помнить: все грандиозные коммунистические планы, цели и задачи — это только средство властвования в руках руководителей коммунизма. Задачи эти неразрешимы, преступны и не нужны. Ибо нам нужно не коммунистическое властвование и не погоня за утопией, а наиболее здоровое устройство нашей жизни.

Может быть, общераспространенное ныне убеждение о необходимости стремления к наилучшим общественным отношениям и следовало бы считать своеобразной основой нового мировоззрения?

Это было бы по крайней мере неверным применением привычной терминологии. Ведь под «цельным мировоззрением» мы привыкли считать, повторяем, систему идей, охватывающую все стороны жизни и дающую ей определенное объяснение, к тому же научно-обоснованное. Взгляды же, о которых говорилось выше, не претендуют на такое объяснение, не устраняют возможности различных объяснений и лишь регулируют наше общественное поведение, нашу деятельность, направленную не только к наилучшему устройению общества, но и к сохранению свободы. Эти взгляды, как уже говорилось, — только практическое применение наших нынешних представлений, рожденных прошлой жизнью, недавним опытом и состоянием науки. Поэтому сумму этих взглядов скорее можно называть только современным мироощущением, а не новым цельным мировоззрением.

Это мироощущение и составляет основу нынешней политической и общественной жизни свободного мира. В нем находит свое выражение и та мысль, что государственная и общественная жизнь не может подчиниться определенному мировоззрению: это неминуемо приводит к тоталитаризму, к попытке искоренения мнений и убеждений, не согласных с господствующим, властвующим мировоззрением.

Жизнь государства, общества, жизнь всего общежития народов нашей земли не может подчиняться одной системе идей: она должна сохранять все разнообразие идей, убеждений, мнений, разделяемых одними или другими народами, одними или другими группами населения и отдельными людьми. Потому что только постоянное соревнование между этими идеями и убеждениями обеспечивает постоянное же развитие и совершенствование жизни, а отнюдь не искоренение различия мнений и оставление только одного господствующего мнения. В этом и состоит социальная ценность свободы.

Современное мироощущение никак не совмещается с коммунизмом, вернее, с коммунистической практикой, подавля-

ющей свободу убеждений и мнений и признающей только то, что служит возглавителям коммунизма. Это мироощущение отвергает насилие и стремится к совершенствованию общественных отношений мирным путем, используя все богатство мысли и стремлений людей. Поэтому производительные силы и условия существования в свободном мире всегда будут значительно выше, чем в мире коммунистическом.

Руководители коммунизма могут, не считаясь с желаниями населения и удерживая его жизнь на низком уровне, направлять большие силы на выполнение одного или другого своего задания. Так, они могли создать атомное и водородное оружие, ракеты, искусственные спутники земли. Все это стоит нам огромных средств и даже многих человеческих жизней, и все это удерживает условия нашего существования на низком уровне. А в США, например, могут создавать и такое же оружие, и ракеты, и спутники без больших усилий, без снижения уровня жизни населения и, конечно, без человеческих жертв.

Причина ясна: в свободном мире политическая и общественная деятельность основывается на принципе необходимости достижения лучших условий нашего существования, на общечеловеческих моральных нормах. А в нашей стране она подчинена мертвым догмам марксизма-ленинизма, вернее же — произволу коммунистического руководства, его властвованию. В свободном мире стараются удовлетворять интересы общества, всего населения, — у нас вся жизнь подчинена интересам коммунистического руководства.

Надо осознать это различие и стараться устранять его. Основы для этого у нас есть: современное мироощущение в общем одинаково для всего мира, для всех народов. Основные принципы общественного и политического поведения мы в душе признаем так же, как признают их в Западной Европе или в Америке. Эти принципы, повторяем, не может отрицать даже диктатура. Но она присваивает их себе, для целей своего властвования, — задача состоит в том, чтобы отобрать их у нее и подчинять себя этим принципам без диктатуры. Только этим путем мы соединимся с другими странами и придем к миру в семье общежития народов нашей земли.

